

Глава 19. Путь к родным берегам

Ци Мэн, завидев падение Янь Хуайлина, мгновенно воспрянул духом. С неистовой силой, подобно сокрушительному горному обвалу, он обрушил на противников двойной удар — технику Лиэхэ Чжосинь («Пламя, обжигающее сердце»). Одновременно с этим он зашептал, быстро выплетая слова заклятия Шэхунь-чжоу (Пленение Души).

Цзан Е в мгновение ока заслонил собой Янь Хуайлина.левой рукой он отбросил за спину полы длинного плаща, а правую, сложив пальцы в ритуальном жесте, вознёс к груди. Прикрыв глаза, он начал читать мантру.

«Вторая форма — Цяньшань Цзюэ („Абсолют тысячи гор“). Одиноким пик среди вечных снегов, где гаснут пять стихий. В безмолвии небес замирают звуки, в тишине разума рождается истина. Чистотой снега пресеки демонический зов, холодом льда усьмири безумие сердца».

В груди Цзан Е шельнула едва уловимая искра тепла. Он попытался ухватить это чувство, но оно, словно тончайший шёлк, ускользало, не желая подчиняться воле.

В уши то врвался яростный многоголосый вой, то внезапно наступала мёртвая тишина.

«Чистотой снега пресеки демонический зов, холодом льда усьмири безумие сердца».

Глубокий, проникновенный голос Фэн Шуцзюня эхом отозвался в сознании. Цзан Е медленно развёл руки в стороны, концентрируя мощь в ладонях.

Техника Ваньсюэ Пяо («Полет десяти тысяч снежинок») вновь обрела силу. И едва ледяной холод коснулся его чувств, как зловещий шёпот заклятия Ци Мэна стал меркнуть и затихать.

В безмолвии небес замерли звуки.

Ярость чужого пламени, казалось, испарилась. В поле зрения остался лишь Ци Мэн — его лицо застыло в маске изумления и первобытного страха.

В ладони Цзан Е сгустился ледяной кристалл. Резко рванувшись вперёд, он нанёс удар, впечатывая холод прямо в грудь противника. Лёд мгновенно обратился в чистую энергию, бесследно исчезнув внутри плоти Ци Мэна.

Тот дважды тяжело кашлянул. Губы его посинели, изо рта вырвалось облачко ледяного пара, и мгновение спустя враг рухнул замертво, погрузившись в глубокое беспамятство.

Тяжело вздохнув, Цзан Е усьмирил бег крови и обернулся к Янь Хуайлину. Тот, содрогаясь от кашля, сплёвывал кровь на снег.

Сердце воина дрогнуло. Он в несколько прыжков оказался рядом и, подхватив спутника за плечи, с тревогой спросил:

— Господин Янь, вы живы?

Весь в крови, прижимая ладонь к груди, Янь Хуайлин слабо взглянул на него и выдавил бледную улыбку:

— Похоже... господин Цзан... и впрямь одарён небесами. Ваше мастерство... выше всяких похвал. А я... я, боюсь, лишь... — Глаза его закатились, и он потерял сознание.

Нахмурившись, Цзан Е подхватил его на руки и бережно прижал к себе. Он понимал: попытка использовать техники школы Лин привела к жесточайшему столкновению с заблокированными меридианами, вызвав сильнейшее отторжение.

Покинув берега ледяного озера, Цзан Е почувствовал, как к нему возвращаются силы. Он вскочил в седло, придерживая бесчувственного Янь Хуайлина, и, ведя в поводу вторую лошадь, во весь опор помчался к Цяньу.

Вернувшись в тот же постоялый двор, где они останавливались накануне, Цзан Е уложил спутника на постель. Он осторожно омыл его лицо от крови, приготовил свежую воду и затих рядом, не сводя с него глаз.

Лишь глубокой ночью мертвенно-бледный Янь Хуайлин наконец пришёл в себя. Цзан Е в это время дремал, подперев голову рукой, в деревянном кресле у кровати.

Янь Хуайлин замер, молча созерцая его профиль в неверном свете свечи. Сердце предательски ёкнуло. Внезапный приступ тошноты заставил его резко сесть — он едва успел склониться, прежде чем выплюнул сгусток тёмной крови.

Цзан Е мгновенно проснулся. Подойдя к кровати, он крепко обхватил Янь Хуайлина за плечи.

— Вам плохо? — в его голосе прозвучало нескрываемое беспокойство.

Позволяя воину удерживать себя, Янь Хуайлин, несмотря на бледность, не удержался от привычной шпильки:

— Видно, я совершил нечто великое в прошлой жизни, раз сам господин Цзан так печётся обо мне.

Цзан Е опустил взгляд.

— Вы — человек из свиты лингуаня Цзяна. Я не мог допустить, чтобы с вами что-то случилось.

Всё как всегда: долг и служба.

Глядя на кровавое пятно на полу, Янь Хуайлин откинул голову, и его спутанные волосы рассыпались по плечам.

— Господин Цзан... вы помните о нашем уговоре?

Воин помедлил, вспоминая их пари.

— Помню.

— И... вы готовы признать поражение?

Янь Хуайлин выглядел так, будто в любой момент мог снова лишиться чувств. Цзан Е хотел было возразить, но, глядя на его измождённый вид, неожиданно для себя смягчился.

— Вы говорили, что я должен буду исполнить одну вашу просьбу, — негромко произнёс он.

— Именно так...

— Чего же вы хотите?

Сначала это пари было лишь очередной выходкой Янь Хуайлина, способом подразнить сурового стража. Но сейчас, видя, как серьёзен Цзан Е, он почувствовал странное смятение.

С трудом выпрямившись, Янь Хуайлин заглянул воину прямо в глаза.

— Господин Цзан... закройте глаза.

Цзан Е нахмурился, ожидая какого-нибудь очередного бесчинства.

— Что вы задумали на этот раз?

— Закройте, — устало, почти приказным тоном повторил Янь Хуайлин.

Цзан Е помедлил, но всё же подчинился.

— Только без вольностей, — предупредил он, и голос его невольно смягчился.

Янь Хуайлин замер. Его взгляд скользнул по плотно сомкнутым губам воина, по его широкой груди, мерно вздымающейся в такт спокойному дыханию. Он слушал этот ровный ритм, и внутри него, словно капля туши в чистом озере, начало медленно разливаться тепло.

Цзан Е ждал, но ничего не происходило. Янь Хуайлин продолжал смотреть на него — пристально, боясь упустить малейшую деталь.

Сейчас он впервые честно признался себе в том, что чувствует, глядя на этого человека. Это не было обычное мимолётное увлечение, которое он привык испытывать к красавицам в чайных домах, и не радость от удачного розыгрыша. Ему просто хотелось бесконечно долго сидеть вот так, слушая его дыхание и глядя на него без масок и притворства.

Тонкие брови, прямой нос, волевой подбородок — каждая черта Цзан Е запечатлевалась в его памяти, отзываясь гулким стуком сердца в груди.

Янь Хуайлин медленно поднял руку, кончики его пальцев зависли в цуне от лба воина. Словно рисуя в воздухе, он обвёл невидимый контур его лица: надбровные дуги, кончик носа, изгиб губ, линию челюсти и шею.

«Вы столь неприступны, господин Цзан, что вряд ли найдёте себе жену».

«Я поклялся служить лингуаням, а значит, никогда не женюсь».

Янь Хуайлин опустил руку. Его обдало холодом, но внутренний жар не унимался, заставляя его лицо стать непривычно серьёзным. Какое ему дело до того, женится Цзан Е или нет? Кого он предпочтёт — мужчину или женщину? От этих мыслей в груди кольнуло острой болью.

Он был поражён. За время их пути он привык считать Цзан Е кем-то вроде монаха, далёкого от мирских страстей. И теперь его пугало то, что в его собственном сердце зажглась крохотная, как искра, надежда.

Зависеть от кого-то было опасно. Ожидать чего-то от другого — верный путь к саморазрушению. За годы скитаний он, казалось, вытравил из себя эти бесполезные чувства, но сейчас, сидя перед этим человеком, понял: они живы.

— Господин Цзан, открывайте глаза, — негромко произнёс он после долгого молчания.

Словно пробудившись от долгого сна, Цзан Е взглянул на него. Видя бледное, отвернувшееся лицо спутника, он в замешательстве спросил:

— И это всё? Что вы сделали?

Янь Хуайлин осторожно лёг обратно на кровать.

— Будьте спокойны, ничего.

Цзан Е чувствовал, что что-то изменилось. Он не понимал, почему Янь Хуайлин вдруг отказался от своего права требовать что угодно.

— Если вам что-то понадобится, позовите меня, — сказал он, видя, что тот отвернулся к стене.

— Хорошо.

Цзан Е укрыл его одеялом и снова сел в кресло. Глядя на его хрупкую спину, он ощутил странное чувство, будто его спутник глубоко разочарован.

— Господин Янь, — позвал он.

— М-м? — донеслось в ответ.

— Не стоит так корить себя из-за меридианов, — решив, что тот расстроен неудачей, Цзан Е попытался утешить его, хотя никогда раньше этого не делал. — Слияние двух потоков — дело долгое. Нельзя достичь всего за один день.

— Благодарю за заботу.

Голос Янь Хуайлина звучал тускло. Цзан Е хотел добавить что-то ещё, но передумал. Он понимал, что сейчас лучше оставить его в покое.

Всю ночь воин просидел у стола, чутко прислушиваясь к каждому движению за спиной. К счастью, приступов больше не было, и лишь под утро Цзан Е забылся тяжёлым сном.

Проснувшись, Цзан Е не увидел спутника на постели. Он обернулся и заметил Янь Хуайлина у окна. Тот стоял, заложив руки за спину, и молча смотрел на утреннее солнце. Его аура была иной — исчезла привычная суетливость, на её место пришли спокойствие и какая-то новая, глубокая сосредоточенность.

Цзан Е поднялся. Услышав шум, Янь Хуайлин обернулся и мягко улыбнулся:

— Вы проснулись?

Свет из окна обрисовал его профиль, и Цзан Е на мгновение замер, заворожённый этой улыбкой, в которой таяли отблески зари.

— Наши дела в Янхуа почти закончены, — сказал Янь Хуайлин. — Теперь путь лежит на запад, в Цзюньту.

Цзан Е кивнул.

— Не сочтёте ли вы за дерзость одну мою просьбу? — Янь Хуайлин повернулся к нему.

— Говорите.

— Цзюньту — мои родные края. Если вы доверяете мне, позвольте нанести визит в мой родной город, Лючэн.

Цзан Е на мгновение застыл от неожиданности. Янь Хуайлин, истолковав его молчание по своему, горько усмехнулся:

— Если это неуместно, то я...

— Нет, — перебил его воин. — Лючэн... это и моя родина тоже.

Янь Хуайлин замер с открытым ртом. Изумление на его лице сменилось искренней радостью.

— Неужели? — он знал, что Цзан Е родом из западных школ, но и подумать не мог, что они земляки.

Цзан Е торжественно кивнул, и его лицо заметно смягчилось.

— В таком случае, составите мне компанию?

Едва произнеся это, Янь Хуайлин вспомнил о трагедии клана Цзан и укорил себя за бестактность. Лицо воина омрачилось, но он лишь сжал губы и ответил:

— Составлю.

В тот же день, собрав вещи, они отправились в путь.

Дорога до Цзюньту была долгой. Лишь спустя две недели они достигли Лючэна, затерянного на севере региона. За городскими стенами расстилалась бескрайняя пустыня, где одинокие столбы дыма терялись в небе, а песок застилал горизонт золотистой пеленой.

Въехав в город, Янь Хуайлин не мог сдержать вздоха. За десять с лишним лет Лючэн изменился до неузнаваемости. Если Ваньлин был нежным и изящным, а Яньхуа — суровым и гордым, то в Цзюньту во всём чувствовалось ледяное дыхание северного ветра и дух грядущей битвы.

Бескрайнее небо, далёкая земля — в этой пустоте легко было потерять себя.

Они проехали через весь город к южным окраинам. Песчаная пыль кусала лица, и им пришлось купить на рынке плотные шарфы, чтобы защитить дыхание. Янь Хуайлин пытался отыскать родную деревню, но тщетно. Опрошенные прохожие лишь качали головами: жители поместья Янь покинули эти места много лет назад, и след их затерялся.

Он стоял посреди пустой улицы, чувствуя, как внутри нарастает горечь. Вспомнилось, как в годы войны родители, спасаясь, продали его разбойникам. Он вернулся сюда не для того, чтобы встретить близких, а чтобы почтить память своего потерянного детства. Ведь до того, как мир рухнул, у него было несколько счастливых лет в кругу семьи.

Цзан Е подошёл ближе и осторожно тронул его за плечо. Янь Хуайлин долго молчал, глядя туда, где когда-то стоял его дом. Воин не отходил ни на шаг, разделяя его безмолвие.

— Пойдём, — наконец тихо произнёс Янь Хуайлин. Его лицо было бледным и осунувшимся.

Цзан Е молча кивнул.

Пройдя несколько кварталов, Янь Хуайлин спросил:

— А вы... не хотите навестить свои родные места?

Цзан Е продолжал идти, и лишь спустя время ответил:

— Мне некуда возвращаться.

В его голосе звучала непоколебимая уверенность — ему не нужны были доказательства того, что от его прошлого не осталось и камня на камне.

Янь Хуайлин ничего не ответил. Они просто шли вдвоём по улицам Лючэна. Впереди играли дети, их смех, звонкий, как колокольчики на шее верблюдов, разносился по ветру. Глядя на них, Янь Хуайлин поймал себя на мысли: если бы не война, встретились бы они с Цзан Е здесь, в этом городе? Стали бы друзьями?

«Друзьями?»

Он вдруг осознал, что давно перестал думать о побеге. Сам не заметив когда, он начал воспринимать Цзан Е как неотъемлемую часть своей жизни.

Его взгляд скользнул по лицу воина, пытаясь угадать, о чём тот думает. Но стоило ему открыть рот, как внимание привлекла приклеенная к стене старого дома бумага.

Лицо Янь Хуайлина окаменело. Он остановился и прищурился. Цзан Е, заметив это, тоже обернулся.

На стене висел указ о розыске Чёрного Гуся — Хэйяня.

Вокруг собрались горожане, оживлённо обсуждая новость.

— Говорят, этот вор объявился в городе всего пару дней назад!

— Зачем знаменитому тайяньскому налётчику понадобилось ехать в наш Лючэн?

— А вы не слышали о «Медицинском трактате Хуа»? Говорят, если он здесь, значит, и книга где-то поблизости.

— Выходит, в нашем городе спрятано сокровище?

— Жаль, я не видел его в тот день...

Цзан Е нарушил тишину:

— Что, господин Янь, интересуетесь знаменитыми ворами?

— Нет, — быстро ответил тот. — Просто слышал о нём, когда был в Тайяне. Любопытно стало.

— Он помедлил и, не удержавшись, спросил: — А вы... господин Цзан... сталкивались с ним?

— Довелось один раз, — спокойно ответил воин, не отрывая взгляда от указа.

— И как? Вы видели его лицо?

— Нет. Он был в маске.

— А мастерство?

— Его техника лёгкости превосходна. Признаю, мне за ним не угнаться.

Услышать такую оценку от первого меча империи было высшей наградой. Янь Хуайлин едва сдержал победную улыбку. Прочистив горло, он ехидно заметил:

— И великий господин Цзан позволил ему уйти?

Цзан Е покосился на него:

— Он истинный мастер своего дела. В тот раз я упустил его.

— Что ж... весьма прискорбно.

— Если нам доведётся встретиться снова, — ледяным тоном добавил Цзан Е, — я сделаю всё, чтобы он предстал перед законом.

Янь Хуайлин выдавил сухую улыбку:

— О... не сомневаюсь.

Видя, что Цзан Е стал непривычно суров, он поспешил сменить тему:

— Предлагаю отдохнуть пару дней здесь, а потом двинуться на юг, в Цзиньлань-чжоу.

Ходили слухи, что именно там скрывается Байлан-цзюнь. Путь предстоял неблизкий, через горы и пустоши, так что нужно было основательно подготовиться. Цзан Е согласился.

Они сняли комнаты в гостинице и разделились: один отправился за плотной одеждой, другой — пополнить запасы воды и провизии, а заодно позаботиться о лошадях.

Вечер в Лючэне был тихим и холодным. Янь Хуайлин, привыкший к шумным гуляниям востока,

быстро заскучал. Здесь не было ни весёлых лавочников, ни ярких фонарей — лишь редкие тени прохожих на пустых улицах.

Вернувшись в комнату, он зажѐг свечу и невольно задумался о Цзан Е, сидевшем за стеной. Было в этом человеке что-то такое, что дарило странное чувство покоя. Словно рядом с ним мир становился проще и понятнее.

Янь Хуайлин растянулся на постели, заложив руки за голову. Он вспоминал их путь. В бою Цзан Е был подобен богу войны, но в чувствах... в чувствах он был сух, как этот пустынный песок. Добиться от него хоть капли нежности казалось невозможной задачей. И всё же, чем неприступнее была эта скала, тем сильнее Янь Хуайлину хотелось докопаться до её сути.

Когда-то он просто хотел его разыграть. Но теперь всё изменилось. Это щемящее чувство в груди, когда Цзан Е смотрел на него своими глубокими, спокойными глазами... было ли это любовью к прекрасному или чем-то иным?

Он вздохнул и закрыл глаза, чувствуя навалившуюся усталость.

И вдруг за окном послышался едва уловимый шорох.

Янь Хуайлин мгновенно распахнул глаза. У самого края подоконника мелькнул край чёрного одеяния.

Он вскочил, на ходу выхватывая веер, и бесшумной тенью вылетел в окно вслед за незванным гостем.

<http://bllate.org/book/17493/1712252>